

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.

Въ запискахъ, которыя велись мною въ теченіе многихъ лѣтъ, находится немало такого, что было занесено со словъ М. И. Драгомирова по поводу Австро-Прусской войны.

Извлекая изъ тѣхъ записокъ кое-что для „Русской Старины“, нахожу долгомъ оговориться, что въ извлеченіи этомъ нѣтъ ничего цѣлаго; предлагаемая замѣтка не претендуетъ на представленіе полного отчета ни объ участіи М. И. Драгомирова въ кампаніи 1866 года, ни о пребываніи его въ полевомъ штабѣ прусской арміи; изъ всего, что объ этомъ было случайно, урывками занесено,—набираются теперь въ разговоръ воспоминанія совершенно отрывочнаго характера.

Когда настанетъ время общей сводки всего характеризующаго такого большого и, во всякомъ случаѣ, крайне сложнаго чело-вѣка,—какимъ является М. И. Драгомировъ, тогда, несомнѣнно, и эти „штрихи“ пригодятся для того, чтобы ими въ томъ или другомъ отношеніи вѣрнѣе отбѣнить обликъ этого мыслителя и учителя.

Память о подобныхъ М. И. Драгомирову людяхъ хранится; съ ихъ смертію не прекращаются тѣ особенности, которыя они лично своимъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ вносили въ жизнь; разнообразное вліяніе, вносившееся ими, продолжается и послѣ исчезновенія ихъ съ лица земли. Важнымъ представляется сохранить въ вѣрномъ рисункѣ до мелочей все то, что ихъ касается, и что съ теченіемъ времени можетъ исказиться лишь въ зависимости отъ убыли лицъ, близко къ нимъ стоявшихъ.

Мих. Ив. Драгомировъ, не говоря объ его дѣятельности,—массой оставленныхъ имъ и въ печати, и въ рукописи сочиненій, самъ очертилъ себя всесторонне; довольно прочесть его разборъ Іоанны д'Аркъ,

*

взгляды на Льва Толстого, военныя замѣтки, замѣтки армейскія, безчисленныя рецензіи, а также его приказы, являющіеся драгоцѣннымъ вкладомъ въ „сочиненія“ о военномъ дѣлѣ (какъ выразился одинъ изъ нѣмецкихъ военныхъ авторитетовъ), — во всемъ этомъ Мих. Ив. представляется во весь свой ростъ; и все же изъ такихъ клочковъ, какими являются частицы предлагаемыхъ записей, истина о Мих. Ивановичѣ еще больше выплываетъ; но клочки подобные такимъ очень дороги тогда, когда въ нихъ на первомъ планѣ съ простотой соединено полное безпристрастіе.

* * *

Въ 1866 году полковникъ М. И. Драгомировъ, преподававшій тактику и стратегію, между прочимъ, въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, проектировалъ ввести въ видѣ лѣтнихъ практическихъ занятій юнкеровъ старшаго класса того училища, для дополненія ихъ военнаго образованія, — рѣшеніе тактическихъ задачъ въ полѣ. Начальникъ училища генераль-маіоръ Александръ Степановичъ Платовъ представилъ этотъ проектъ, со своимъ ходатайствомъ объ его утвержденіи, на имя товарища генераль-фельдцейхмейстера генераль-адъютанта Александра Алексѣевича Баранцова; проектъ былъ принятъ и утвержденъ, а непременнымъ условіемъ разрѣшенія этого нововведенія было поставлено принятіе полковникомъ Драгомировымъ руководства новыми занятіями на себя.

Юнкера, уже въ сущности, окончившіе курсъ наукъ и получившіе по экзамену право на производство въ офицеры, очень обрадовались случаю присоединить къ лагернымъ красносельскимъ строевымъ ученьямъ и къ артиллерійской стрѣльбѣ новыя занятія, ожидая отъ нихъ во 1-хъ нѣкотораго разнообразія, а во 2-хъ удовольствія поучиться у Драгомирова, котораго молодежь вообще уже тогда цѣнила, какъ профессора и руководителя.

Въ то время, когда занятія, — введеніе конхъ задержалось на нѣкоторое время практической стрѣльбой, — должны были начаться, и юнкерамъ оставалось лишь ознакомиться съ подробностями постановки ихъ, получено было въ училищѣ извѣстіе о томъ, что полковникъ Драгомировъ, по Высочайшему повелѣнію, избранъ для командированія въ штабъ прусской арміи на все время внезапно возникшей тогда австро-прусской войны.

— „Вышло это для меня совершенно неожиданно“, рассказывалъ впоследствии Михаилъ Ивановичъ, „поэтому и собираться пришлось наскоро, кое-какъ. — Нелегкое было это дѣло, а между тѣмъ оно могло бы облегчиться, если бы главный штабъ не изобрѣталъ попусту секретовъ; оказалось, что, по представленію военнаго мини-

стра, я былъ предназначенъ къ отправленію въ Пруссію на осенніе маневры; если бы я зналъ объ этомъ, то понемногу, исподволь подготовился бы къ поѣздкѣ,—правда, не къ военно-временной, все же къ заграничной и главное къ дѣловой;—при этомъ разумѣю подготовку въ широкомъ смыслѣ слова, а не только вещевые, цейхаузныя сборы; между прочимъ надо было заняться и возобновленіемъ въ памяти нѣкоторыхъ знаній. Но сообщеніе намъ о предстоявшей поѣздкѣ на маневры совершенно бессмысленно затормозилось въ виду обозначившихся въ ту пору между Австріей и Пруссіей переговоровъ остраго характера; когда эти переговоры были прерваны—тогда главному штабу пришлось подумать и заговорить о необходимости командированія кого-либо уже не на маневры, а на войну.

По словамъ Дмитрія Алексѣевича Милютина, Государь, при докладѣ объ этомъ, сказалъ: „Драгомировъ долженъ былъ ѣхать на маневры въ Пруссію, пусть ѣдетъ туда для присутствованія при военныхъ дѣйствіяхъ“.

„На сборы“, рассказывалъ Мих. Ив., „остались даже не дни, а только часы; если же взять во вниманіе то обстоятельство, что къ сборамъ надо было присоединить представленія по начальству—можно понять, какими лихорадочно поспѣшными и безтолковыми дѣлались эти сборы“.

* * *

Во время лѣтнихъ въ 1900 году прогулокъ, которыя мнѣ довелось продѣлывать съ М. И. Драгомировымъ ежедневно по утрамъ въ Наугеймъ и о которыхъ я упоминалъ въ своихъ замѣткахъ, помѣщенныхъ на страницахъ „Русской Старины“ 1908 года,—случилось такъ, что Наугеймъ былъ наводненъ войсками. На нѣсколько дней городокъ, въ которомъ обычно ихъ нѣтъ, оживился: черезъ него проходила пѣхота, двигалась легкая и тяжелая артиллерія, пролетала кавалерія; мобилизованный на нѣсколько недѣль Нассаусскій корпусъ упражнялся въ маневрахъ и въ совмѣстныхъ движеніяхъ всѣхъ родовъ оружія;—движенія эти начинались по утрамъ очень рано, войска сновали больше всего именно въ ту пору, когда намъ доводилось съ Мих. Ивановичемъ сходить и направляться за городъ по тѣнистому Фридбергскому шоссе,—сдѣлавшемуся обычнымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ ¹⁾).

¹⁾ Фридбергъ — городокъ, отстоящій отъ Наугейма въ разстояніи трехъ верстъ; это красивое мѣстечко—б. резиденція герцоговъ Гессенъ Дармштадтскихъ, съ удовольствіемъ посѣщается и осматривается всѣми, кому случается проводить время въ Наугеймѣ, въ особенности русскими: здѣсь родились и выросли Государыни Императрицы Марія Александровна и Александра Θεодоровна; покои Фридбергскаго замка, дорогого по воспоминаніямъ дѣтства Государынь, а также Великой Княгини Елисаветы Θεодо-

Мих. Ив. съ видимымъ интересомъ останавливался, смотрѣлъ, какъ двигались цѣпи въ боевой линіи, какъ они примѣнялись къ мѣстности, дѣлалъ свои замѣчанія, оставаясь въ общемъ удовлетвореннымъ; все видѣнное имъ онъ разбиралъ съ одобреніемъ и съ удовольствіемъ.

— „Вы знаете, какъ я не люблю нѣмцевъ, но въ дѣлахъ специально военныхъ нельзя не преклоняться передъ ними, а въ особенности передъ нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ и „другомъ“; посмотрите на этотъ Нассаусскій корпусъ, какъ онъ впиталъ въ свою кровь и въ плоть всю прусскую выправку и подтяжку; мало того, довольно взглянуть на эти ряды нѣмецкаго строя, чтобы понять, какъ они до мелочей проникнуты бранденбургскимъ чисто военнымъ духомъ; какъ въ нихъ, въ этихъ равнодушныхъ по характеру людяхъ, кипитъ то „прусское озорство“, на которомъ въ Берлинѣ все построено.

„Почти тридцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я, день за днемъ, разглядывалъ въ подробностяхъ прусскіе корпуса, надѣлавшіе въ Европѣ столько переполоху въ 66-мъ году и подарившіе фатерландъ славными, чудесными побѣдами на богемскихъ поляхъ; если бы я не зналъ, что здѣсь передо мной теперь стоятъ и двигаются нассаусцы, я сказалъ бы, что какой-нибудь корпусъ изъ тогдашней арміи Фридриха Карла или наслѣднаго принца Фридриха, — блаженной памяти Фрица, — приведенъ сюда; я никогда не повѣрилъ бы, что это представители Нассаусскаго герцогства, которое въ 1866 году не захотѣло шевельнуться для того, чтобы, отколовшись отъ Германско-австрійскаго союза, пойти воевать въ союзѣ съ Пруссіей, рядомъ съ пруссакомъ; не захотѣло оно не только изъ политическихъ видовъ, но и изъ-за своей органической ненависти къ пруссаку; правда, его въ этомъ поддерживало и полное отсутствіе воинственности въ его народѣ и полная, абсолютная неподготовленность къ принятію какого бы то ни было участія въ войнѣ; ему, — этому маленькому герцогству, хотѣлось остаться полунейтральнымъ. Безъ сомнѣнія, за тридцать пять лѣтъ можно преобразиться; но чтобы до такой степени маленькія войсковыя части вида нестроевыхъ командъ могли обратиться въ типичнаго воинственнаго пруссака, — нужно себѣ представить, на сколько для этого должна была воздѣйствовать чудодѣйственная могучая сила живучихъ сыновъ Помераніи и Бранденбурга“.

Мих. Ив. съ какою-то любовью предался воспоминаніямъ о 66 годѣ; конечно, не прусская армія и не прусская военная закваска

ровны, украшены картинами, воспроизводящими эпизоды времени пребыванія въ нихъ и обрученія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича (1840 г.). Красивый и уютный замокъ съ прекраснымъ садомъ представляетъ собою мѣсто лѣтняго пребыванія герцогской семьи.

придала чуткость этимъ воспоминаніямъ; съ одной стороны ему рѣзче представилась его молодость; военная обстановка живо напоминала ему тотъ годъ, когда онъ впервые сталъ близко къ боевой сферѣ, для которой былъ рожденъ; тогда эта обстановка сопровождалась массою такого, къ чему можно было приурочить свои громадные, теоретическія знанія, на чемъ можно было сдѣлать капитальную провѣрку ихъ и чѣмъ можно было еще болѣе расширить, пополнить тѣ знанія, поучаясь около военныхъ геніевъ. Мих. Ив. вспоминалъ и рассказывалъ много мелочей и, видимо, увлекался ими, какъ чѣмъ-то дорогимъ, затронувшимъ его сердце.

Кто хоть немного зналъ Мих. Ив-ча, тотъ твердо усвоилъ себѣ, что экспансивность и его нравъ—два совершенно противоположные полюсы; далѣе, каждый, знавшій Мих. Ив-ча, зналъ и то, что это былъ человѣкъ, умѣвшій, безъ всякаго съ своей стороны старанія, увлекать своимъ разговоромъ и всегда увлекавшій; разнообразіе предметовъ, занимавшихъ его и вливавшихся въ его бесѣду, способность обнять все съ безконечно разнообразныхъ сторонъ,—все это дѣлало его бесѣду чрезвычайно интересною и на рѣдкость поучительною; онъ не останавливался долго на одномъ предметѣ и еще меньше возвращался къ повторенію одного и того же.

Встрѣчи Мих. Ив-ча съ нѣмецкими войсками въ Наугеймѣ наложили на него какую-то особую печать, и это отразилось на всѣхъ его разговорахъ; въ теченіе нѣсколькихъ дней, при каждой новой встрѣчѣ, онъ какъ-будто бы спѣшилъ продолжать собесѣдованія о видѣнныхъ имъ дѣйствіяхъ „нассаусцевъ“, передѣланныхъ въ пруссаковъ, и по поводу этого какъ бы всѣми своими мыслями вѣзжалъ въ ту среду, въ которой когда-то пережилъ нѣсколько недѣль въ минуты безумнаго успѣха, выпавшаго на долю представителей той среды—счастливецевъ, коимъ тогда довелось, въ какихъ-нибудь шесть-семь недѣль времени, капитально передѣлать карту центральной Европы.

— „Для нашей арміи, рассказывалъ Мих. Ив., нѣтъ надобности желать всего того, что представляетъ собою армія прусская,—при всемъ завидномъ состояніи ея; картонныя фигуры офицеровъ, манекены-солдаты неприятно поражаютъ зрѣніе и вселяютъ отвращеніе къ себѣ. Но надо было прожить среди пруссаковъ такъ, какъ прожилъ я во время нахождения своего при главномъ штабѣ прусской арміи въ 66-мъ году, надо было сжиться съ частями арміи и съ ея представителями для того, чтобы отдѣлаться отъ этого отвращенія и вселить въ себѣ непреодолимое, горячее желаніе—многое цѣликомъ пересадить къ себѣ, позаимствовать отъ нихъ;—сжиться пришлось мнѣ съ ними въ ту пору и при такихъ обстоятельствахъ, когда они, эти напыщенные, надутые пруссаки были за-

няты серьезно и исключительно дѣломъ своего побѣдоноснаго шествія, и въ ихъ обиходѣ не оставалось ничего, что могло бы дать возможность заниматься дѣланностью, „представленіемъ себя не собою“; то были минуты, часы, дни и недѣли ихъ упоенія и увлеченія счастьемъ побѣдъ; все обыденное, напускное, въ чемъ нельзя уловить самой сути пруссака, было тогда отброшено, для наблюдателя оставался лишь пруссакъ-человѣкъ;—получался совсѣмъ иной обликъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прорывалась даже симпатія къ пруссаку, но она являлась мимолетною и навсегда не оставалась, потому что разъ прошли минуты торжества, снявшаго маску, пруссакъ опять обратился въ нарцисса, сжался тисками своей чопорности, сопровождающейся отталкивающимъ любованіемъ самимъ собою.—Тѣмъ пріятнѣе вспомнить тѣ исключенія, на которыя случилось мнѣ тогда обратить вниманіе.

Многое изъ того, что у пруссаковъ насаждено, насаждается старательно и у насъ; они завидуютъ многому такому, что у насъ имѣется по врожденности, но суть въ томъ, что у нихъ все, и свое и чужое прививается толково, крѣпко и разъ привитое не отламывается такъ легко, какъ у насъ,—при малѣйшемъ подходящемъ къ тому случаѣ; тамъ все полезное, основное, коренное, засѣвши разъ, сидитъ прочно, видряется навсегда и остается нестираемымъ. Со всѣхъ сторонъ твердятся прописи,—намъ надо учиться у нихъ; и учимся и заимствуемся, да все норовимъ взять верхи, хотимъ научиться легковѣсно. Не тотъ характеръ лежитъ въ глубинѣ нашихъ національныхъ способностей, не то наше основаніе и не на тѣхъ дрожжахъ всходятъ наши знанія“.

* * *

Пріѣхавъ въ лѣтній, сумрачный, на подобіе петербургскаго, день въ Берлинъ, Мих. Ив. засталъ улицы его въ томъ веселомъ настроеніи, которое для всякаго посторонняго должно было свидѣтельствовать о большомъ торжествѣ. Но въ тѣ самыя минуты, когда не оставалось мѣста никакому сомнѣнію въ оцѣнкѣ характера и смысла ликования, пришлось узнать, что лишь нѣкоторая часть населенія была весела и казалась ликующею; на самомъ дѣлѣ то, что можно было принять за причину веселья, торжества и ликования—именно то вызывало уныніе въ мыслящей части общества: только что объявленная крупному сосѣду война была далеко непопулярна; во всемъ этомъ крылось что-то зловѣщее и надо было находиться близко къ центру Пруссіи Берлину для того, чтобы понять весь трагизмъ тогдашняго положенія державы, отважившейся на безконечно важный шагъ, какимъ является рѣшеніе вступить въ борьбу, помѣрять свои

силы въ такую минуту, когда внутри государства не было ничего ободрявшаго къ тому.

Вездѣ, на каждомъ шагу можно было слышать и читать о томъ, будто народъ не хочетъ войны, будто народные представители не дѣютъ и не дадутъ кредита на нее. Въ высшихъ сферахъ всѣ, казалось, потеряли почву подъ собой, растерялись.

Въ тѣ времена къ королю Вильгельму не относились съ тѣмъ уваженіемъ, которое проявлялось къ нему впоследствии. Выигранною за два года передъ тѣмъ войной, въ которой Пруссія вмѣстѣ съ Австріей нанесла пораженіе всему строю маленькой Даніи и отрѣзала чуть ли не половину этого королевства,—улучшились отношенія народа къ Вильгельму; но это улучшеніе не пошло далѣе того, что къ бывшему „Принцу Прусскому“, игравшему, по убѣжденію народа, двусмысленную роль въ періодъ хода разыгравшихся въ Берлинѣ событій революціи 48 года—ненависть только замѣнилась чувствомъ равнодушія ¹⁾).

Въ то время, когда въ народѣ и наверху все приуныло,—въ арміи обычное „брацанье“ стало раздаваться еще громче; горделивая увѣренность въ своихъ силахъ не покидала войска; а это являлось залогомъ того, что всякое, даже минутное, отчаяніе въ успѣхѣ начатаго дѣла должно было считаться преступнымъ. Не таковъ былъ весь строй государственной жизни Пруссіи, чтобы неуѣренность въ исходѣ предстоявшей кампаніи могла долго властвовать надъ умами хотя-бы части націи; въ Пруссіи, со временъ тяжелыхъ испытаній, принесенныхъ ей празднествами наполеоновскаго режима,—съ начала XIX столѣтія, народъ и армія представляли одно и то же; этимъ обезпечивалась недолговѣчность и мимолетность такой неуѣренности;—скоро самоуѣренное брацанье заразило всю націю отъ мала до велика, и Пруссія двинулась громадами своихъ армій на поля Богеміи уже съ поднятою головой.

Къ тому же все, что дышало и думало въ этомъ, преданномъ только самому себѣ, государствѣ, чувствовало высоко взвившагося орла—перваго министра, Бисмарка Шенгаузенъ.

Нельзя внести въ эту замѣтку всю массу тѣхъ эпизодовъ, кото-

¹⁾ Известно, что въ 1840 году, по вступленіи на прусскій престолъ Фридриха Вильгельма IV—братъ его Вильгельмъ, какъ предположенный наследникъ престола, получилъ титулъ „Принца Прусскаго“; черезъ восемь лѣтъ, требуя энергичнаго примѣненія реакціонныхъ мѣръ въ то время, когда революціонное движеніе мечтало имѣть въ немъ опору, онъ возбудилъ въ представителяхъ смуты и въ народѣ такую ненависть къ себѣ, что долженъ былъ удалиться въ Англію, гдѣ и прожилъ около полугода, пока не улеглось чувство возмущенія его дѣйствіями.

ыми были полны рассказы и воспоминанія Мих. Ив. о первыхъ дняхъ пребыванія его въ Прусской столицѣ.—Въ этихъ рассказахъ переплеталось серьезное, стоившее вниманія какъ исторически-вѣрное съ шутливымъ, вводившимся, по словамъ Мих. Ив., какъ анекдотическое, но дававшее яркую характеристику преобладавшаго настроенія и всего знаменательнаго историческаго момента. Съ большимъ юморомъ и съ неменьшимъ неуваженіемъ къ особѣ короля, молва и печать рассказывали о томъ, какъ Бисмаркъ сначала уговаривалъ Вильгельма рѣшиться на отважный шагъ, потомъ усовѣщивалъ, а впослѣдствіи успокаивалъ, приводя ему для всего этого въ видѣ главнаго довода то, что проявляемая имъ нерѣшимость какъ бы граничить съ трусостью, совершенно несоотвѣтствующею характеру и нраву бранденбургскому и недостойною представителя Гогенцоллернскаго дома.

— Теперь, когда уже шагъ сдѣланъ, разсужденіямъ нѣтъ мѣста, они порождаются малодушіемъ, говорилъ будто бы Бисмаркъ, съ жестокою, дьявольскою вкрадчивостью въ отвѣтъ на доводы Вильгельма, который пересыпалъ ихъ воспоминаніями о прошломъ Пруссіи и о великомъ прадѣдѣ своемъ; я, на мѣстѣ Вашего Величества, думалъ бы вовсе не объ этомъ, а, вспоминая Фридриха Великаго, приготовлялся бы имѣть честь и счастье умереть на полѣ брани...

Среди всего того, что, съ злорадствомъ, изо дня въ день, передавалось въ Берлинѣ въ видѣ новинки, насталъ день и моментъ представленія М. И. Драгомирова.

— Я мало видѣлъ короля прежде, говорилъ Мих. Ив.; поэтому, въ минуту представленія, не могъ судить о томъ, въ какомъ, сравнительно, видѣ и въ какомъ настроеніи онъ былъ; отдавая же себѣ отчетъ объ этомъ по сравненію съ тѣмъ, что пришлось мнѣ видѣть впослѣдствіи, въ теченіе всей войны, могу заключить, что настроеніе короля, при всей величественности его фигуры, оказалось подавленнымъ, смущеннымъ, самъ онъ казался лишеннымъ полнаго самообладанія.

— Поздоровавшись привѣтливо, король спросилъ о здоровьи „лучшаго его друга и племянника—Императора Александра“, задалъ два-три частныхъ вопроса, лично обо мнѣ, а затѣмъ, сказавъ обычное „soyez le bienvenu“, какъ бы усилился прибавить по-нѣмецки: въ трудную минуту вы видите и меня и правительство мое; но во всѣхъ насъ твердо залегла увѣренность, которую мы черпаемъ въ надеждѣ на Бога,—на милосердіе Его къ народу, къ арміи...

„Настроеніе Мольтке и Бисмарка было иное“....

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).